

Первая пара стажеров состояла из мага стихии воды и мечника первого ранга. Синеватые водные узоры мягко заструились, покрывая всю поверхность обсидиановой доски. Хотя в действиях мага чувствовалась неопытность, было ясно, что это тренировка целительного навыка. Мечник долго и мучительно раздумывал, не зная, с какой стороны подступить: самые мягкие и безобидные ловушки зачастую оказываются сложнее всего. Наконец, подсказал профессор Линтон: он указал на узел, где жизненная энергия была плотнее всего. Мечник, не раздумывая, обрушил тяжелый двуручный меч, со свистом рассекающий воздух. Обсидиановая доска раскололась надвое, и ловушка была разрушена.

Вскоре треснувшая доска сама собой срослась, не оставив и следа, и настала очередь второй пары. Эти стажеры оказались куда удачливее и сообразительнее предыдущих. Золотистое сияние вырвалось из их ладоней, превратившись в воздухе в сверкающую пыль, которая укрыла доску — это была ловушка накопления энергии. Из поверхности доски хлынули потоки золота и драгоценных камней: сердолики, кораллы, кошачий глаз и жемчуг рассыпались повсюду, но никак не могли покинуть пределы этого маленького мира. Мечник, ничуть не смутившись, вонзил кончик клинка прямо в узел, из которого извергались сокровища, но никаких признаков разрушения ловушки не последовало.

— Я добавил в ловушку накопления защитный контур, это уже полноценная магическая печать, — гордо пояснил маг стихии металла своему напарнику. — Защита — основа всей структуры.

— Вот оно что, — мечник понимающе кивнул, а затем принялся методично рубить мечом всю доску целиком, но та осталась невредимой. После короткой передышки он слегка поддел кончиком клинка место, где почувствовал наибольшее сопротивление, и ловушка рухнула: — Способ, конечно, глупый, но зато я справился.

Последующие пары прикладывали все усилия, пытаясь создавать и разрушать ловушки, однако лишь немногим удавалось сотворить простую магическую печать. Большинство же были способны лишь на самый примитивный «узел», что напрямую зависело от запаса магической силы и владения заклинаниями. Неизвестно, намеренно или случайно, но все мечники обходили Цин Гэ стороной, выбирая других напарников. Цин Гэ подняла голову с мыслью: «Так я и знала», — и тут же встретилась взглядом с Таскэ. Его глаза были цвета морской глубины.

Когда-то они были возлюбленными лишь на словах, но при этом — достойными друг друга соперниками и единомышленниками.

— Ты простишь меня? — Таскэ стоял перед Цин Гэ, опираясь на свой двуручный меч, и наблюдал, как она берет в руки доску. У Цин Гэ были очень белые руки — кожа девушек из знатных семей, редко покидающих дом, всегда такого оттенка. Но это была не болезненная бледность, а нежная белизна, словно отполированный жемчуг, достигнутая благодаря дорогим мазям и уходу. Ее пальцы, тонкие и изящные, как нефрит, небрежно лежали на обсидиановой доске. Светло-голубые вены были едва заметны, придавая рукам изысканную, почти пугающую красоту.

— Ты шутишь? — Цин Гэ задумчиво постучала по краю доски. Услышав эту почти нелепую

просьбу, она вдруг рассмеялась. От ее острого, горделивого смеха у Таскэ перехватило дыхание, а затем она безжалостно отвергла его мольбу.

Ее рука пришла в движение. Лазурное пламя вырвалось из ладони, и температура поднялась настолько, что воздух вокруг начал дрожать. Огонь весело заплясал, покрыв всю доску, но не опалив при этом ее саму. Следом заструилось красное сияние, собираясь в центре доски в бутон распускающейся розы — это был второй защитный контур.

— Не зря вы Шао цзюньхоу из рода магов, — с одобрением произнес профессор Линтон, поглаживая длинную белую бороду. — Вам ведь всего пятнадцать? Уже способны создавать печати, сочетающие защиту и атаку. Молодое поколение внушает трепет.

— Вы мне льстите, — Цин Гэ с детства не знала, что такое скромность или желание оставаться в тени. Да ее никто этому и не учил. Молодые маги из влиятельных семей с достаточной силой всегда были дерзки и своевольны — зачем скрывать то, что дано по праву? Цин Гэ, гордая и самодостаточная, даже не считала нужным лгать.

Она медленно сложила пальцы в магический жест, и начала формироваться третья ловушка. Теплый оранжево-желтый свет медленно струился из ее кончиков пальцев. Это была ловушка созидания — самая сложная из шести существующих. С древних времен богиня жизни создала людей, мать-земля управляла круговоротом, а солнце, луна, звезды, горы и реки в Эру Богов имели своих хозяев. Людям оставалось лишь восхищаться, благодарить и приносить жертвы. Почему же находились безумные мудрецы, которые, рискуя жизнью и душой, стремились к созданию чего-то своего, человеческого? Почему находились те, кто просыпался от дурмана и, взывая к свободе, пытался отвоевать право на созидание?

Мы ведем эту отчаянную борьбу, мы проливаем кровь и пот сегодня ради наших потомков. Ради свободы и счастья людей. Только когда мы сможем творить, мы станем по-настоящему независимыми, мы наконец станем людьми.

Таскэ на мгновение погрузился в мир, созданный ловушкой. Ранняя весна, благоухание цветов, и двенадцатилетняя Цин Гэ, раздвигающая ветви ивы. Она уперла руки в бока и властно заявила: Ты не особо красив, но ты мне все равно нравишься. Зная, что это лишь иллюзия, он все равно почувствовал, как дрогнуло сердце. Внезапный прилив радости и боли смешался в голове, и он невольно потянулся к нагрудному карману, достав оттуда выцветший шелковый цветок. Прошло три года. Даже самая лучшая акулья ткань со временем ветшает, что уж говорить о красках на такой безделушке. Он хотел вколоть этот нежно-розовый цветок в волосы той юной девушки, вместе со всеми своими детскими мечтами и бессонными ночами, которые больше не хотел хоронить в глубине души.

Но со стороны казалось, что Таскэ просто впал в транс: его лицо менялось, отражая целую бурю эмоций, а затем он достал из-за пазухи старый цветок, словно собираясь приколоть его кому-то невидимому. Цин Гэ очень дорожила своими вещами и сразу узнала свою пропажу. Она замерла, вздохнула и сама разрушила ловушку.

Таскэ вдруг ощутил жар, от которого защипало лицо. Он отступил на несколько шагов и увидел, что призрачный образ исчез, а в воздухе осталась лишь горстка синих искр, от которых все еще исходил зной. Он резко обернулся к Цин Гэ, но тут же затормозил, опустив глаза. Он не смел встретиться с ее темно-зеленым взглядом, чувствуя себя виноватым, как в детстве, когда его ловили на проказах.

Цин Гэ медленно сомкнула ладони. Роза распустилась, обнажив золотистую сердцевину. Это было ядро печати, основа защиты. Смысл ловушки созидания заключался в том, чтобы затуманить разум, а в момент замешательства активировалась атакующая ловушка. Защитная же служила для охраны самого мага — пока ее саму не найдешь, разрушить структуру было невозможно. Это было простое, но изящное законченное заклинание.

— Значит... ты меня видел, — произнесла она то ли с осуждением, то ли констатируя факт. Цин Гэ покачала головой, и в ее взгляде, направленном на бывшего соратника, промелькнула едва уловимая жалость. — Что ж, я тебя прощаю.

— Шао цзюньхоу, вы все еще думаете о господине Марсе? — Хуа Сэ семенила следом за Цин Гэ, которая широким шагом шла прочь, явно не в духе. Она осторожно начала расспрашивать: — Послушайте, мне кажется, он ведь все это время был в вас влюблен!

Цин Гэ резко остановилась. Хуа Сэ, не ожидавшая этого, врезалась в ее худую, тонкую спину — острые лопатки больно ударили ее в лоб. Цин Гэ обернулась, и в ее зеленых глазах застыл ледяной смех. Взгляд, полный пугающей холодности, был направлен прямо на Хуа Сэ.

— Это ты...

Из тени в конце коридора кто-то вышел. Хуа Сэ, вся в холодном поту, заметила, что этот ледяной, безжизненный взгляд пронзил ее насквозь и уперся в кого-то за спиной. В тот миг она почувствовала, как сердце бешено заколотилось — она словно избежала неминуемой гибели.

Золотистые волнистые волосы вошедшего отсвечивали в лучах солнца. Его глаза, прозрачные и яркие, как аметисты, не выражали ни капли смущения от того, что его застали врасплох. Он спокойно ответил:

— Да, все верно, это я.

Цин Гэ прищурилась, и в ее голосе зазвучали агрессивные нотки:

— Вы ведь понимаете, о чем я?

Кайсар беспомощно развел руками:

— Понимаю. И, признаться, не рассчитывал, что смогу вас обмануть. Притворяться перед Шао цзюньхоу из рода магов — это все равно что признать, что мне жизнь наскучила.

Зная Таскэ, Цин Гэ была уверена: будь у него хоть в десять тысяч раз больше смелости, он бы не решился просить прощения после того, как нарушил брачный договор и разорвал соглашение. Даже если он любил ее, это было невозможно. К тому же он прекрасно знал, что она не терпит предательства. Она — из рода Цин, а не из клана Люе, откуда бы у нее взялось столько очарования?

Кто дал ему эти ложные обещания? Кто намеками вселял в него призрачную надежду? Этот человек должен был обладать высоким положением, быть близко знаком с ними обоими и иметь мотив для подстрекательства. Вспомнив едва уловимое колебание магии металла в чайной комнате, которое она тогда приняла за ошибку, Цин Гэ быстро сузила круг подозреваемых до нескольких знатных магов, близких к клану Оро. Если исключить Спедо, еще не выбравших своего Шао цзюньхоу, и клан Люе, который годами не имел доступа к трону и удерживал позиции лишь благодаря своей красоте, то выгода от восстановления союза между родом Цин и Марсом была очевидна. Больше всего в стабильности и богатстве нуждались не застойный род Цин и не процветающий Марс, а алчные до золота Оро.

Кайсар Оро, будучи Шао цзюньхоу своего клана, первым оказался в списке подозреваемых Цин Гэ.

Единственным, чего она не ожидала, была такая прямота. Опешив от того, что Кайсар играет не по правилам, она махнула рукой:

— Господин Оро... я не найду с вами общего языка. Вам достаточно знать одно: наш брачный договор мертв, и в будущем мы никогда не окажемся по одну сторону баррикад.

Те юношеские мечты, та невинность... не стоит обсуждать это с посторонними.

Кайсар безразлично пожал плечами:

— Госпожа Цин, не стоит зарекаться. Кто знает, что будет в будущем? Если однажды вам придется сражаться плечом к плечу, не пожалеете ли вы о том, что сегодня отвергли мое предложение?

Цин Гэ холодно усмехнулась:

— предавший однажды, предаст снова. Я никогда не прощу предателя. Никогда.

В ее темно-зеленых глазах назревал шторм, гнев накрывал ледяной волной.

— Если однажды нам придется делить жизнь и смерть... — Цин Гэ подняла свой темно-красный

посох и тяжело ударила им о землю, — значит, мы окажемся в безвыходном положении. Либо страна падет, либо дом будет разрушен. В такой час будет не до личных обид и любовных драм.

Десять лет можно приручать собаку, но как же я не смогла приручить этих неблагодарных волков из клана Марс?

После неприятного разговора с Кайсаром ее сердце, еще не успевшее успокоиться, подверглось новому удару. Она направилась в библиотеку, но тут прибежала Хуа Сэ, которой велели вернуться и заняться делами. Она сообщила, что в апартаментах Цин Гэ сидит темноволосая дама, называющая себя нынешней главой клана Цин — Цинлань Дуи.

Способ отбора следующего правителя империи из числа Шао цзюньхоу был, в некотором смысле, справедливым. Однако верховная власть не желала просто так сдаваться. После бесчисленных попыток централизации и лишения титулов был достигнут хрупкий баланс: ввели должность Дуи. На нее назначали доверенных лиц императора из числа Шао цзюньхоу, которые управляли армией. Лорды Оро с крайнего севера по умолчанию не претендовали на трон, контролируя финансовую систему страны, а остальные главы кланов владели своими землями. Император имел право сместить любого главу клана или Дуи.

Цинлань Дуи — нынешняя глава клана Цин и мать Цин Гэ. Именно из-за нее старейшины клана относились к Цин Гэ, женщине-Шао цзюньхоу, весьма неоднозначно. Предыдущим Шао цзюньхоу действительно был Цинлань, но это был не ее мать, а отец. Тогда нынешняя Цинлань Дуи не носила это имя — она была Люе Цинлань. Выпускница Императорской академии, маг пятого уровня, мастер меча, красавец и интеллектual — он был мечтой многих знатных девиц. Но старейшины, уже планировавшие брак для своего Шао цзюньхоу, получили ошеломляющую новость: Шао цзюньхоу Цинлань во время учебной поездки вручил изумрудное кольцо-перстень, символ хозяйки дома, девушке из побочной ветви клана Люе, в которую влюбился с первого взгляда.

Старейшины, обладавшие огромной властью, пришли в ярость и потребовали вернуть перстень, настаивая на браке с девушкой из клана Оро. Обычно покладистый Шао цзюньхоу проявил небывалое упрямство, клянясь жениться только на Люе Цинлань.

Мы опоим вас, свяжем и приведем в сознание за секунду до начала церемонии — когда все будет свершено, вам придется жениться, хотите вы того или нет. Старейшины испробовали все, но не смогли сломить его волю. В гневе они пригрозили: Будь по-вашему.

И тогда они увидели, как их мягкий Шао цзюньхоу с молниеносной скоростью выхватил меч, висевший за спиной, и вонзил его себе в грудь.

Невесту, которую Шао цзюньхоу добился ценой собственной жизни, поначалу никто не принял. Но в тот момент, когда радостный Цинлань с глуповатой улыбкой осторожно поднял вуаль, все замерли. При свете свечей, в красном свадебном наряде, Люе Цинлань — будущая хозяйка дома — медленно подняла глаза.

В тот миг воцарилась тишина. Никто не мог лучше нее воплотить само понятие красоты, никто не мог дышать перед лицом такой ошеломляющей внешности. Она была олицетворением красоты — первым цветком персика ранней весной, рябью на сакэ в нефритовой чаше, снегом, укрывающим бескрайние равнины, звуком цитры в полнолуние. Она казалась чем-то неземным, самым прекрасным и чистым существом в мире. Кто-то тогда прошептал, что если все в клане Люе обладают такой внешностью, то неудивительно, что им никогда не видать трона — их удел лишь внутренняя власть.

После свадьбы их отношения были скорее вежливыми, чем страстными. Цинлань всегда огорчался, что жена никогда не смотрела ему в глаза. Он часто повторял: А-Лань, не будь такой робкой, я женился на тебе не для того, чтобы ты терпела обиды. Ты — моя законная хозяйка дома, ты можешь с высоко поднятой головой выставить любого, кто проявит к тебе неуважение. И сам же начинал посмеиваться. Люе Цинлань лишь кротко улыбалась, опуская глаза, и продолжала тихо и послушно готовить для мужа.

А потом, в ту ночь, что должна была войти в историю, все изменилось. Любой переворот рождается в крови и огне, но этот стал исключением. Шао цзюньхоу Цинлань, готовящийся к коронации, выпил чашу с отваром и проспал в секретной комнате сутки. Проснувшись, он увидел Люе Цинлань, которая с холодной, отстраненной улыбкой вежливо сообщила ему: Теперь глава клана Цин — я.

Император происходил из клана Спедо, а новая императрица была из клана Люе. Люе... Люе... Какую партию вы разыграли! Неудивительно, что император одобрил абсурдное решение о том, что жена заменяет нездорового Шао цзюньхоу. Оказалось... оказалось! Цинлань рвал на себе волосы, метался по комнате, словно запертый зверь: Оказывается, вы заодно!

Люе Цинлань подняла глаза, и в ее сине-черных зрачках читались триумф и гордость, но не было ни капли сожаления. Победителей не судят, господин Цинлань. Знайте, в этом мире важен лишь результат, а не то, как он был достигнут.

...Ты никогда меня не любила. Цинлань рухнул на пол, сердце его было мертво. Поэтому ты не смотрела мне в глаза... да?

Он вдруг вспомнил железное правило, известное каждому магу: для мага у обычного человека нет секретов, потому что глаза не умеют лгать.

Глаза не лгут, поэтому ты на меня не смотрела.

Не то чтобы я вас совсем не любила, — Люе Цинлань поцеловала его в лоб и тихо рассмеялась. — Вы отдали мне место главы клана, я, конечно, очень обрадовалась, как же я могла вас не любить? Оставьте клан Цин мне, поверьте, в моих руках эта махина будет куда полезнее, чем в ваших.

С тех пор как Цин Гэ начала что-то понимать, она никогда не знала, что такое нормальная семья с доброй матерью и надежным отцом. Ее отец, утративший власть из-за своей слабости к

женской красоте, спился и превратился в жалкого пьяницу. Мать, захватившая власть, вечно была в делах. Маленькая Цин Гэ, прижимая к себе куклу, приходила в кабинет матери, надеясь на ласку, но с ужасом видела, как выносят части тела казненного предателя, а мраморный пол залит густой, темно-красной кровью.

Повзрослев, она начала сочувствовать отцу, но не смела говорить с ним напрямую. Она врывалась в кабинет матери и со слезами спрашивала: На этом месте погибло столько людей! Столько крови, неужели вы можете спокойно спать и сидеть здесь? Что такого в этой власти, что вы так... жаждете ее!

Это было одно из немногих умных слов, которые знала маленькая девочка. Глава клана Цин, облаченная в роскошные одежды, с распущенными черными волосами, отложила перо, с любовью взяла дочь на руки и, удерживая ее сопротивляющиеся ручки, нежно сказала: Я жажду не власти. Мне просто удобно сидеть здесь.

Именно в такой обстановке сформировался непреклонный, железный характер Цин Гэ. Неудивительно, что она не терпела предательства Таскэ. И вот сегодня ее мать, с которой у них всегда были натянутые отношения, внезапно пришла без предупреждения. Цин Гэ была поражена.

— Зачем она пришла?

— Не знаю... — Хуа Сэ помогла Цин Гэ собрать разбросанные книги. — Но она настаивала, чтобы увидеть именно вас.

— Мы давно не виделись, — Цинлань Дуи покачала головой, вздыхая с необъяснимой грустью.
— И правда, Гэ-эр, почему ты так не хочешь быть со мной близкой?

Цин Гэ молчала. Она никак не могла понять ход мыслей своей матери. По идее, законный Шао цзюньхоу клана Цин должен был желать растерзать узурпатора, но этот узурпатор — ее собственная мать. Сохранять дистанцию и вежливую сдержанность — это предел того, на что она была способна. Чего еще та могла требовать?

— Ты все же больше похожа на меня... кроме этих волос, они у тебя в отца. — Женщина, чья красота не увяла даже после тридцати, протянула руку и коснулась огненно-красных волос Цин Гэ. Ее сине-черные глаза встретились с темно-зелеными: — И эти глаза тоже.

Цин Гэ застыла под прикосновением матери, не зная, куда деть руки:

— Зачем вы пришли?

— Пришла проведать тебя.

<http://bllate.org/book/19150/1880624>